

Притча про чотири перстені.

Одного разу, йдучи залізницею, прийшлося мені чути розмову або, скоріш, промову одного жида про релігії і про антагонізм людей різних релігій. В вагоні були переважно жиди пасажирів і скільки руських, отже розмова велась з початку по жидівськи і я не могла розібрати її, але потім, коли надійшло більше руських пасажирів, то промовець перейшов на руську (россійську), трохи ломану мову, не вважаючи на видимо досаду інших жидів. Деякі з них навіть одвернулись від него і почали завзято молитись богу, часами тільки поглядаючи скося та кидаючи короткі фрази по жидівськи; інші знов, переважно молодші, слухали і тісно обступили оповідача. То був молодий жид, одягнений сливе по європейськи, не в такому довгому халаті, як інші, хоч акцент его і фраза не показували на людину з шкільним російським образованием. Говорив він з завязям, як проповідник *). — Господа, — мовив він, обертаючись на сей раз більше до руських, — воть я только что говорилъ имъ (він показав на гурт жидів, що стояли біля нього), что не хорошо ненавидѣть людей съ другою вѣрою, потому что и законъ не этого хочетъ. Но воть и между христіанами много есть людей, какъ будто одной вѣры, которые еще хуже ненавидятъ одинъ другого за разность вѣры, чѣмъ евреевъ. Такъ я вамъ хочу рассказать одну сказку, нѣтъ, не сказку, а такъ, примѣръ *), и вы увидите, если это правда, какъ я вамъ говорилъ про вѣры. Это, представьте вы себѣ, что былъ одинъ царь, очень сильный и очень мудрый, у котораго было много войска и онъ посылалъ это войско на непріятели. Неприсятели было очень много и со всѣхъ сторонъ они нападали, такъ что одинъ начальникъ не могъ бы ихъ отбить. Воть царь раздѣлилъ войско свое на четыре части и наставилъ надъ ними четьрьохъ генераловъ, одинаково сильныхъ и ловкихъ. Только одинъ генераль подумалъ себѣ, что его войско не будетъ слушаться, если у него не будетъ знака объ томъ, что его дѣйствительно самъ царь послалъ. Пошелъ онъ къ царю и говорить: дай мнѣ, государь, какойнибудь знакъ, чтобы солдаты мнѣ вѣрили, что я посланный отъ тебя. Царь далъ ему кольцо и сказалъ: если тебѣ не будутъ вѣрить, то покажи это кольцо съ моею печаткой и тебѣ повѣрятъ тогда. Тѣмъ временемъ и другіе генералы захотѣли, чтобы царь далъ имъ знакъ и каждый съ нихъ пошелъ за этимъ къ царю и царь далъ всѣмъ имъ по одному кольцу со своей печаткою, только они одинъ про одного ничего не знали, потому что не были знакомы. Воть пошли они къ своему войску и повели его на непріятели каждый по той дорогѣ, какому царь указалъ.

*) За точність виразів не відповідаю, але зміст і стиль були такі.

**) Промовець не казав, з якого джерела він бере свій „примѣръ“.

Только дорогой у одного генерала солдаты взбунтовались и не хотѣли идти туда, куда онъ имъ приказывалъ; тогда онъ имъ показавъ кольцо и сказалъ: видите, братцы, вотъ у меня знакъ отъ самого царя, кольцо съ его печатью, надо чтобъ вы меня слушались, потому что меня самъ царь поставилъ надъ вами. Солдаты, какъ увидали кольцо, перестали бунтовать ся и сказали: вотъ видно нашъ генераль очень важный человекъ, потому что у него кольцо отъ самого царя. Потомъ они шли, шли и встрѣтились съ войскомъ другого генерала. Солдаты начали разговаривать между собою и солдаты перваго генерала начали хвалить своего начальника и говорить, что онъ старше всѣхъ другихъ генераловъ, потому что онъ посланъ отъ самого царя. Солдаты другого генерала начали бунтоваться и хотѣли бросить своего начальника, но тотъ имъ тоже показавъ кольцо отъ царя и одни изъ нихъ успокоились, а другіе перешли въ войско перваго генерала, потому что былъ споръ, у кого кольцо настоящее, а у кого фальшивое. И когда объ этомъ узнали два другіе генералы, то и себѣ начали говорить, что они важны всѣхъ, потому что у нихъ кольцо отъ царя. И каждый изъ нихъ хотѣлъ, чтобы всѣ солдаты перешли къ нему и каждый думалъ, что только его кольцо настоящее а у другихъ фальшивое и очень они всѣ за это ссорились и между солдатами тоже страхъ какой былъ беспорядокъ, — кто вѣрилъ своему генералу, кто чужому, кто за своего дрался, кто за чужого. Генералы же забыли о томъ, чтобы заниматься своей дорогой каждому, а старались только, чтобы всѣ шли за ними и чтобы всѣ признавали ихъ важность. И вотъ они вмѣсто того, чтобъ идти бить непріятели, начали биться между собою, а никто не догадался, что всѣ кольца были настоящія, потому что царь хотѣлъ, чтобы всѣ были одинаково сильные. Генералы называли одинъ другого мошенниками и разбойниками и считали одинъ другого даже хуже непріятели. Каждый дрался за то, что онъ будто одинъ посланъ отъ государя своего, а никто не думалъ о томъ, чтобы дѣлать такъ, какъ приказалъ государь.

— Такъ вотъ, господа, — закінчив промовець, — это я рассказывалъ для примѣра, вотъ какъ эти четыре генералы, такъ теперь есть четыре вѣры: еврейская, магометанская, католическая и православная и они между собою спорять, которая самая важная и которая справедливая, а не думаютъ о томъ, что каждому надо идти по тому пути, по какому приказалъ найстаршій царь — Богъ, а тогда все будетъ хорошо, потому что каждый родится въ той вѣрѣ, въ какой ему назначить Богъ.“

Після сього знялась жива розмова, сперечання, по руськи, а ще більше по жидівськи; я єі, на жаль, не чула, як слід, бо прийшлося виходити з вагону. А розмова була палка.

Лєся Українка.

